

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Современные теории глобализации

Глава 4. Современные теории модернизма

Вполне вероятно, что ни одна из тем не получила столько популярного и академического внимания в последние годы, как глобализация. В этой лекции мы бы хотели привести краткий обзор некоторых наиболее важных теоретических работ по глобализации.

Глобализация – это распространение всемирной практики, отношений, сознания и организации общественной жизни. Почти каждая нация и жизнь миллиардов людей во всем мире трансформируются, зачастую довольно резко, путем глобализации. Степень и значение его воздействия можно увидеть почти повсеместно. Это наиболее заметно в нынешних общих протестах, которые сопровождают встречи на высшем уровне глобальных организаций, таких как Всемирная торговая организация и Международный валютный фонд.

Теория глобализации также возникла в результате ряда событий, внутренних по отношению к социальной теории, в частности, реакции против более ранних перспектив, таких как теория модернизации. Среди определяющих характеристик этой теории была ее западная предвзятость, превосходство, придаваемое событиям на Западе. И идея о том, что у остального мира не было иного выбора, кроме как стать все более похожим на Запад. Хотя существует множество различных вариантов теории глобализации, почти у всех есть тенденция резко отказаться от сосредоточения внимания на Западе (в том числе и в особенности в Соединенных Штатах). Изучить не только транснациональные процессы, которые протекают во многих разных направлениях, но и те, которые, по крайней мере, в какой-то степени, автономны и независимы от любой отдельной нации или области мира.

Глобализация может анализироваться культурно, экономически, политически и институционально. Для каждого типа анализа ключевое различие заключается в том, наблюдается ли увеличение гомогенности или неоднородности. В крайних случаях глобализация культуры может рассматриваться как транснациональное расширение общих кодов и практик. Или же как процесс, в котором взаимодействуют многие глобальные и местные культурные ресурсы, чтобы создать своего рода смесь, ведущую к различным культурным гибридам (гетерогенности).

Тенденция к однородности часто ассоциируется с культурным империализмом, влиянием определенной культуры на широкий круг других культур. Существует много разновидностей культурного империализма, в том числе те, которые подчеркивают роль американской культуры Запада или других стран.

Теоретики, которые сосредоточены на экономических факторах, как правило, подчеркивают их растущее значение и гомогенизирующее воздействие на мир. Обычно они рассматривают глобализацию как распространение неолиберализма, капитализма и рыночной экономики во многих разных регионах мира. Например, некоторые из них сосредоточились на глобализации и расширении торговли.

Джозеф Э. Стиглиц экономист-лауреат Нобелевской премии и бывший председатель Совета экономических советников, представил критическую позицию относительно деятельности Всемирного банка, ВТО и особенно МВФ за их роль в ухудшении, а не в разрешении глобальных экономических кризисов.

Среди прочего Стиглиц критикует МВФ за его гомогенизирующий подход «одного размера», который не учитывает национальные различия. В частности, МВФ и глобализация работали в интересах богатых стран, особенно Соединенных Штатов (которые фактически обладают правом вето на решения МВФ) и в ущерб бедным странам. Разрыв между богатыми и бедными фактически увеличился в результате глобализации.

Хотя те, кто сосредоточен на экономических вопросах, как правило, подчеркивают однородность, признается, что некоторая дифференциация (гетерогенность) продолжает существовать, по крайней мере, на полях глобальной экономики, в самом деле, МВФ и других крупных экономических организаций. Другие формы гетерогенности в экономической сфере включают, например, коммодификацию местных культур и наличие гибкой специализации, которая позволяет адаптировать многие продукты к потребностям различных местных спецификаций. В более общем плане те, кто акцентирует внимание на гетерогенизации, утверждают, что взаимодействие глобального рынка с рынком местным приводит к созданию уникальных «глобальных» рынков, которые интегрируют требования мирового рынка с реалиями местного рынка.

Политические/институциональные ориентации тоже, как правило, подчеркивают либо однородность, либо гетерогенность. Например, некоторые из тех, кто работает с перспективой гомогенизации в этой области, сосредотачиваются на всемирном распространении моделей национального государства и появлении подобных форм управления во всем мире. Другими словами, рост единой модели управления во всем мире. В более широком смысле, существует обеспокоенность по поводу увеличения гомогенизации во множестве учреждений. Как мы увидим чуть позже, некоторые видят рост транснациональных институтов и организаций, что приводит к уменьшению силы как национального, так и других, местных, социальных структур, в целях изменения жизни людей.

Один из самых экстремальных взглядов на гомогенизацию в политической сфере – это Бенджамин Барбер, думающий о «McWorld». Или о росте единой политической ориентации, которая все более распространена во всем мире. Интересно, что Барбер также формулирует в качестве альтернативной перспективы идею «джихада» – локализованные, этнические и реакционные политические силы (в том числе «государства-изгои»). Они связаны с усилением национализма и приводят к большей политической неоднородности во всем мире. Взаимодействие McWorld и Jihad на местном уровне может создавать уникальные, глобальные политические формирования, которые объединяют элементы как прежних (например использование Интернета для привлечения сторонников), так и последних (например использование традиционных идей и риторики). Вопрос о гомогенизации/гетерогенизации охватывает обширную полосу теорий глобализации, но она явно не является исчерпывающим. Это станет ясным в следующем обсуждении основных теорий глобализации, которое, безусловно, затрагивает различные способы гомогенизации/гетерогенизации, а также подчеркивает ряд других аспектов теории глобализации. Это обсуждение делится на четыре раздела.

Во-первых, мы рассмотрим перспективы глобализации некоторых крупных современных теоретиков (Гидденс, Бек и Бауман), встречавшихся ранее. Затем мы переходим к вышеупомянутым трем широким категориям теоретизирующей глобализации: культурной, экономической и политической/институциональной. Взгляды Гидденса (2000) на глобализацию тесно связаны с его мышлением о «сокрушительной силе» современности и в какой-то степени дублируют друг друга. Гидденс также видит тесную связь между глобализацией и риском, особенно ростом того, что он называет промышленным риском. Большая часть ускользающего мира глобализации находится вне нашего контроля, но Гидденс не выражает пессимистичность относительно этого. Мы можем ограничить проблемы, создаваемые ускользающим миром, но мы никогда не сможем полностью его контролировать. Он выражает некоторую надежду на демократию, особенно международные и транснациональные формы демократии, такие как Европейский союз. Сегодня ключевое столкновение на глобальном уровне происходит между фундаментализмом и космополитизмом. В конце концов, Гидденс видит появление «глобального космополитического общества».

Однако даже основная сила в оппозиции к нему – фундаментализм – сама по себе является продуктом глобализации. Кроме того, фундаментализм использует глобальные силы (например, средства массовой информации) для достижения своих целей. Фундаментализм может принимать различные формы – религиозные, этнические, националистические, политические, но в любой форме, которые он принимает, Гидденс считает, что фундаментализм является проблематичным, потому что он противоречит космополитизму и потому что он связан с насилием.

Политика глобализации и космополитизм

Ульрих Бек

Мы можем понять суть мысли Бека по этому вопросу, обсудив его различие между глобализмом и глобальностью.

Глобализм – это точка зрения, согласно которой в мире доминирует экономика, и что мы являемся свидетелями появления гегемонии капиталистического мирового рынка и неолиберальной идеологии, которая ее поддерживает. Для Бека этот взгляд предполагает как монокаузальное (причинно-следственное), так и линейное мышление. Многомерность глобальных событий – экология, политика, культура и гражданское общество – ошибочно сводится к единому экономическому измерению. И это экономическое измерение рассматривается, опять же ошибочно, как развивающееся в линейном направлении во всевозрастающей зависимости от мирового рынка. Ясно, что Бек видит мир в гораздо более многомерных и многонаправленных терминах. Кроме того, он очень чувствителен к проблемам, связанным с капиталистическим мировым рынком, включая тот факт, что существуют всевозможные барьеры для свободной торговли и что на этом мировом рынке есть не только победители, но и (многие) проигравшие.

Несмотря на то, что Бек является критиком взглядов на глобализм, он видит большую заслугу в идее глобализации, в которой замкнутые пространства, особенно связанные с нациями, воспринимаются как растущие все более иллюзорны. Они становятся иллюзорными из-за глобализации, в которую вовлечены транснациональные субъекты с разной степенью власти, идентичности и другое. Транснациональные процессы уже давно существуют; тем не менее, глобальность является новой, по крайней мере, по трем причинам.

Во-первых, его влияние на географическое пространство гораздо шире, чем когда-либо прежде.

Во-вторых, его влияние со временем намного более стабильно; он продолжает оказывать влияние на других.

В-третьих, существует гораздо большая плотность для его различных элементов, включая транснациональные отношения и сети.

Бек также перечисляет ряд других вещей, которые характерны для глобализма по сравнению с более ранними проявлениями транснациональности:

1. Глубоко затронуты повседневная жизнь и взаимодействие между национальными границами.
2. Существует самовосприятие этой транснациональности в таких сферах, как средства массовой информации, потребление и туризм.
3. Сообщество, труд и капитал становятся все более бесформенными.
4. Растет осознание глобальных экологических опасностей и действий, которые необходимо предпринять для их решения.
5. В нашей жизни растет восприятие транскультурных людей.
6. Глобальные индустрии культуры распространяются на беспрецедентных уровнях.
7. Увеличивается количество и сила транснациональных соглашений, субъектов и институтов.

Это побуждает Бека усовершенствовать мышление о современности и утверждения того, что глобальность и неспособность обратить ее вспять связаны с тем, что он теперь называет «вторым модерном».

Прежде всего, что определяет «последнее» это снижение силы нации и государственных границ, которые составляют основу «первого модерна». Центральное предположение «первой современности» – это то, что мы живем в замкнутых национальных государствах. (Бек отвергает это понятие как «контейнерную теорию» общества.) Таким образом, глобальность и «вторая современность» означают разгосударствление, и, по словам Бека, приводит к росту транснациональных организаций и, возможно, транснационального государства.

В своем труде «Power in the Global Age» Бек утверждает, что космополитическая ориентация должна выходить за рамки национальных и международных отношений в глобальной политике. Именно они предполагают «мета-игру, результатом которой является открытость». Это игра, в которой пересматриваются границы, основные правила и основные различия, а не только между «национальной» и «международной» сферой, а также между глобальным бизнесом и государством, транснациональными движениями гражданского общества, наднациональными организациями и национальным правительством и обществом». Именно эта реальность

требует изменения видения от национальной до космополитической точки зрения, которая лучше способна осмыслить и справиться с этой мета-игрой.

Зигмунт Бауман видит глобализацию в терминах «картографической войны». По его мнению, именно мобильность стала самым важным и дифференцирующим фактором в социальной стратификации современного мира. Таким образом, победителями «картографической войны» являются те, кто мобилен, способен свободно перемещаться повсюду и находится в процессе поиска смысла для себя. Они могут свободно всплывать в пространстве и когда они должны «приземлиться» где-то, они сами изолируют себя в закрытых и защищенных пространствах, в которых они находятся в безопасности от тех, кто проигрывает в картографической войне.

Проигравшие не только не имеют мобильности, но и отстранены и ограничены территориями, лишены смысла и даже способностью предлагать смысл. Таким образом, хотя элита, вероятно, «отравляет» свои возможности перемещения, остальные, скорее всего, чувствуют себя заключенными на своих родных территориях, из которых у них мало шансов на переезд. Более того, последние, вероятно, будут чувствовать себя униженными из-за отсутствия собственной мобильности и взгляд элит, способных передвигаться по своему усмотрению. В результате территории становятся полями битвы, где проигравшие и победители картографической войны сталкиваются в очень неравномерном конфликте.

Победители могут сказать, что живут во времени, а не пространстве; они могут практически быстро, если не мгновенно, охватить пространство. Напротив, проигравших можно рассматривать как живущих в пространстве. Это пространство находится вне их контроля, сильное, упругое, устойчивое, неприкасаемое, способное завязать время вниз. Однако важно различать тех, кто имеет хотя бы некоторую мобильность.

Туристы – это те, кто находится в движении, потому что они желают этого. Их привлекает что-то, что они находят непреодолимым и движутся к нему.

Бродяги – это те, кто находится в движении, потому что они находят свои окрестности невыносимыми, негостеприимными по ряду причин. Позитивные аспекты того, что мы приветствуем глобализацию, – это те, которые связаны с туристами, в то время как неизбежным побочным эффектом является то, что многие другие превращаются в бродяг. Большинство людей, однако, существуют между этими двумя крайностями. Они не уверены точно, где они сейчас стоят, но где бы они ни находились, они не уверены, что завтра они будут в одном месте. Таким образом, глобализация для большинства из нас вызывает определенное беспокойство.

Однако даже у кажущихся победителей глобализации – у туристов – есть свои проблемы.

Во-первых, существует бремя, связанное с невозможностью замедления; трудно всегда быть в движении и на высокой скорости.

Во-вторых, мобильность означает бесконечную последовательность выборов, и каждый выбор имеет определенную степень неопределенности, связанную с этим.

В-третьих, каждый выбор также несет в себе ряд рисков и опасностей. Бесконечная мобильность и постоянный выбор в конечном итоге становятся хлопотными, если не обременительными.

Стоит отметить, что Бауман использует идею «ликвидности» в самых разных книгах, написанных в начале XXI века. Ясно, что глобальный мир становится все более ликвидным миром, характеризующимся бесчисленными «потоками» всех типов. В результате глобальный мир постоянно меняет свою форму, и его становится все труднее контролировать или получить четкое понимание о нем. Идея ликвидности имеет широкую применимость к процессу глобализации.

Учитывая глобализационные теории некоторых современных социальных теоретиков, мы переходим к основным типам теории глобализации, основываясь на примерах других крупных социальных мыслителей.

Ян Недервин Питерс определил три основные парадигмы в теории культурных аспектов глобализации, в частности, о центрально важной проблеме того, являются ли культуры во всем мире вечными, создающими новые «гибридные» формы из уникального сочетания глобальной и местной культур. Давайте посмотрим на каждую из этих парадигм и представим пример каждого из них.

Те, кто придерживаются парадигмы культурного дифференциала, утверждают, что среди культур и между ними существуют разногласия, которые в значительной степени не

затрагиваются глобализацией или любыми другими дву-, меж-, мульти- или транскультурными процессами. Это не означает, что культура не подвержена влиянию ни одного из этих процессов, особенно глобализации. Но это означает, что в их основе культуры в значительной степени не затрагиваются ими; они остаются такими же, какими они всегда были. В этой перспективе глобализация происходит только на поверхности, а глубокая структура культур в значительной степени полностью не зависит от нее. Культуры рассматриваются как в основном закрытые не только для глобализации, но и для влияния других культур. В одном изображении мир представлен как мозаика в значительной степени отдельных культур. Более угрожающим является изображение бильярдных шаров (представляющими культуры), которые показывают как они отскакивают от других бильярдных шаров (представляющих другие культуры). Этот образ более угрожающий, поскольку он указывает на возможность опасных и потенциально катастрофических столкновений между культурами мира.

Культурный дифференциализм

Культурная дифференциальная парадигма имеет долгую историю, но в последние годы она привлекает все большее внимание и приверженцев (а также критиков) из-за двух наборов текущих событий.

Один из них – террористические атаки 11 сентября 2001 года и последующие войны в Афганистане и Ираке. Многие люди видели эти события как результат столкновения между западной и исламской культурой и вечные культурные различия между ними. Другим набором текущих событий является растущий мультикультурализм как в Соединенных Штатах (в основном рост испаноязычного населения), так и западноевропейских странах (в основном растущее мусульманское население), а также огромные различия и враждебность между большинством и меньшинством.

Самым известным и противоречивым примером этой парадигмы является «Столкновение цивилизаций и переустройство мирового порядка» Сэмюэля Хантингтона. Хантингтон прослеживает начало нынешней мировой ситуации до окончания «холодной войны» и переконфигурирования мира от одного дифференцированного на политико-экономической основе (демократического/капиталистического или тоталитарного/коммунистического) к одному, основанному на культурных различиях. Такие культурные различия не являются чем-то новым, но они были в значительной степени погружены (как в старой Югославии, так и в проявлении различий между сербами и хорватами) в результате подавляющих политико-экономических различий эпохи холодной войны. То, что мы видели в последние два десятилетия, – это древние личности, противники и враги. Хантингтон использует термин «цивилизация» для описания самого широкого уровня этих культур и культурной самобытности (ведь для него цивилизация – это культура «большой буквы»). То, что он видит, – это появление линий разломов между этими цивилизациями и он считает это чрезвычайно опасной ситуацией, учитывая историческую вражду между ними, по крайней мере, некоторыми из этих цивилизаций.

Хантингтон различает ряд мировых цивилизаций: синический (китайский); Япония (иногда сочетается с «синическим» как «дальневосточный»); индуизм; Ислам; православие (в России); Западная Европа; Северная Америка (вместе с близкой Австралией, Новой Зеландией); Латинская Америка; и (возможно) Африки. Он рассматривает эти цивилизации как сильно отличающиеся от основных философских предположений, основополагающих ценностей, общественных отношений, обычаев и общих взглядов на жизнь. Для Хантингтона история человечества – это, по сути, история цивилизаций. Цивилизации имеют ряд характеристик, в том числе наличие факта существования большого согласия в отношении того, что они есть.

Таким образом, цивилизации:

1. Являются одними из самых устойчивых человеческих объединений (хотя они меняются со временем);
2. Являются наиболее широким уровнем культурной самобытности (за исключением человечества в целом);

3. Являются наиболее широким источником субъективной самоидентификации;
4. Обычно охватывают более одного состояния (хотя они не выполняют функции состояния);
5. Представляют некую совокупность;
6. Тесно связаны как с религией, так и с расой.

Следующий этап характеризуется свержением западной цивилизации во всех других цивилизациях. Хантингтон приписывает этот эффект различным структурным характеристикам Запада, включая рост городов, торговлю и современное состояние.

Третий этап – многоцивилизационная система – прослеживается до конца экспансии Запада и начала восстания против него. Период после Первой мировой войны и до 90-го года характеризовался столкновением идей, особенно капиталистических и коммунистических идеологий. Но после падения коммунизма крупные столкновения в мире теперь стали вращаться вокруг религии, культуры и, в конечном счете, цивилизаций.

Хантингтон выходит за рамки этого развития, чтобы нарисовать плачевное будущее отношений между Западом и этими двумя другими цивилизациями, особенно исламом. Конфликт «холодной войны» между капитализмом и коммунизмом был заменен конфликтом, который можно найти на «линиях разломов» между цивилизациями и между ними, особенно западной, синической и исламской цивилизациями. Таким образом, он предвидит опасные столкновения между Западом (и то, что он называет своим «высокомерием»), ислам (и его «нетерпимость») и синическую «настойчивость».

То, что заработало Хантингтоном многочисленные критические замечания и величайшую вражду, – его спорные заявления об исламской цивилизации и мусульманах. Например, он утверждает, что везде, где мусульмане и не мусульмане живут в непосредственной близости друг от друга, насильственный конфликт и интенсивный антагонизм имеют повсеместное распространение. Он утверждает, что с самого начала ислам был религией меча, он прославлял военные ценности, и есть история исламского завоевания.

Связь между исламом и другими цивилизациями исторически была одной из взаимно не устойчивых. Конечно, в этом сыграл ключевую роль западный империализм – ставивший ислам в качестве цели. Исламу также не хватает сильного основного государства для контроля над цивилизацией. Но самое большое значение для Хантингтона – это давление, созданное демографическим взрывом в исламе. Хантингтон был обеспокоен упадком Запада, особенно Америки. Для него падение Соединенных Штатов фактически означает гибель западной цивилизации. Чтобы Запад выжил и процветал, Соединенные Штаты должны сделать две вещи.

Во-первых, он должен подтвердить свою идентичность как западную (а не многоцивилизационную) нацию.

Во-вторых, он должен подтвердить свою роль лидера западной цивилизации во всем мире. Реассоциация и принятие западной цивилизации (которая также будет включать отказ от универсализма), и вообще всех цивилизаций, является самым надежным способом предотвращения войны между цивилизациями. Настоящая опасность для Хантингтона – это мультикультурализм на Западе и во всех других цивилизациях.

Таким образом, Хантингтон в конечном счете сводит культурную преэминентность к культурной чистоте в цивилизациях. Для него, по крайней мере, в некотором идеальном смысле, глобализация становится процессом, посредством которого цивилизации продолжают существовать и в ближайшие годы будут двигаться параллельно. Это является подтверждением важности цивилизации, то есть культуры, в эпоху глобализации.